

СЕКЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ»

А.В. Малов

Молодинская битва в контексте военно-политической ситуации в мусульмано-христианской контактной зоне

*«... и поиде яко лев кровоядец, рыкая,
розиня лютую пацеку на пожрениа христиан
со всеми силами своими бусурманскими...»*

(князь А.М. Курбский)

Давно не вызывает сомнения у специалистов тот факт, что разгром Крымской Орды 2–3 августа 1572 г. на Молодях имел серьезные последствия для всего комплекса русско-крымских отношений. В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. документальная публикация В. И. Буганова [10, с. 166–183] и вышедшее через несколько лет исследование Г.Д. Бурдея о Молодинской битве [39] подвели итог на 1960-е гг. в изучении этого важного для русской истории XVI в. сражения. Как показал доклад о Молодинской битве в 2009 г. на заседании Московского семинара по военной археологии (при ГИМе) И.Н. Пахомова «Кампания 1572 г.», развитие исторической науки, военно-исторических исследований, историографии и археографии позволяет существенно скорректировать и дополнить наши знания об этом сражении и всей военно-политической ситуации, в которой оказалось Московское государство в начале 1570-х гг.

В советской исторической науке имело место некоторое преувеличение значения событий на севере Восточной Европы вообще и на Руси в частности для определения султаном и его окружением политики Османской империи, равно как и преувеличение масштабности поставленных к началу 1570-х гг. крымским ханом Девлет-Гиреем I в сношениях с Москвой целей и задач [103, с. 94–95; 39, с. 48–51, 78; 66, с. 35; 106, с. 416.]. Оба тезиса справедливо и обоснованно критиковались французскими тюркологами [36, с. 147–148; 72, с. 214–215]. Однако, даже с учетом всех дискуссий и введения в научный оборот новых источников – а может быть именно в силу этого, – до сих пор в полной мере не учтены все обстоятельства похода 1572 г., связанные с внешнеполитической ситуацией всех заинтересованных сторон: Московского государства, Крымского ханства и Османской империи, а также последствия этого сражения для стратегической ситуации в регионе. В данной статье мы попытались вписать русско-крымские отношения в период Молодинской битвы в контекст военно-политической ситуации во всей мусульманско-христианской контактной зоне. Хронологическое совпадение и последовательность событий может быть взаимообусловлена зачастую лишь гипотетически. Однако представляется важным постараться учесть всю совокупность факторов, которые прямо или косвенно оказывали или могли оказывать влияние на решения, принимавшиеся монархами в Москве, Бахчисарае и Константинополе.

Поход 1572 г. крымского хана Девлет-Гирея I (1551–1577) на Москву, закончившийся для него катастрофой на Молодях, стал важной вехой в закреплении за Москвой только что завоеванного Поволжья. Утверждение Ивана IV на берегах Волги явилось главной предпосылкой продвижения России далее на Восток – в Сибирь, распространения своего влияния, а впоследствии и власти на земли Сибирского ханства, тесно связанного с доминирующими в Средней Азии Шейбанидами

[110¹, с. 117–134; 84, с. 101–130; 85, с. 97–111]. Также власть над Волгой неизбежно и очень быстро привела к установлению тесных дипломатических и экономических связей с шиитским Сефевидским Ираном, ожесточенно боровшимся с Оттоманской империей на западе и с узбеками-суннитами на востоке. На политическом поприще с XVI в. Иран², а позже в XVII в. и Московское государство периодически выступали с инициативой военно-политического антиосманского союза. Экономически же связи с державой Сефевидов стали источником дешевого шелка и хлопка, что положительно сказалось как в целом на казне московского самодержца, так и на материальном обеспечении войск.

Вопрос о Казанском и Астраханском «юртах» был важнейшим в русско-крымских и русско-османских отношениях фактически до конца XVI столетия. И.В. Зайцев отмечает, что «реальная реакция» Оттоманской империи на присоединение к России Поволжья неизвестна, и Крымские ханы «были склонны винить» в окончательной потере Казани и Астрахани Империю Османов [56, с. 172]. Однако, думается, позиция крымских ханов и летописцев демонстрирует здесь не более чем обычную дипломатическую и идеологическую уловку. Вряд ли можно всерьез утверждать, что Оттоманская империя «осталась абсолютно безучастной» к завоеванию Православным царством двух исламских государств. Не только Государем всеа Руси, разославшим посланников и гонцов с сеунчем по всем христианским государствам, с которыми Москва имела дипломатические отношения, взятие Казани и Астрахани декларировалось как победа Креста над Полумесяцем [116, с. 71–86]. Так же это должно было быть воспринято и на берегах Босфора. Утвердившиеся в священном для православных Константинополе султаны из династии Османов вели газават [125, с. 24–30] – практически перманентную войну с врагами веры – иноверцами-христианами и еретиками-шиитами [125, с. 24, 30–31], лишь в силу необходимости из тактических соображений прерывавшуюся непродолжительными перемириями. Ресурсы Оттоманской империи в XVI в. были уникальны, но все же не безграничны³. Потому и очередь до Москвы у Османов дошла не сразу: у султанов были более важные цели и задачи экспансии – и все против иноверцев и еретиков. Суть баланса идеологии, политики и экономики во взаимоотношениях Московского государства и Оттоманской империи лучше всего выражают строки Фридриха Шиллера, посвященные религиозным войнам в Европе [123, с. 3]:

«Все это было делом религии. Она одна могла сделать возможным случившееся, но все это было сделано далеко не для нее. Если бы вскоре не присоединились к ней частные интересы и государственная выгода, то никогда голос богословов и народа не встретил бы в государствах такой готовности, никогда новое учение не нашло бы столь многочисленных, столь мужественных и стойких поборников».

Наиболее глубоко, взвешенно и гибко баланс названных сфер интересов в треугольнике Москва – Бахчисарай – Константинополь, пожалуй, впервые представлен у А.А. Новосельского [88, с. 24 – в целом его позицию принимают А. Беннигсен и А.В. Виноградов: 36, с. 148. сноска 5; 43]. С обозначенной поправкой можно согласиться с общим выводом историков: на протяжении всего XVI – первой половины XVII вв. для политики обоих государств как правило характерно стремление избежать открытого лобового столкновения⁴. Можно сказать, что до XVII в. земли к северу от татарских степей и кочевий Оттоманскую империю не интересовали. Это в равной степени относится как к Московскому государству, так и к ВКЛ и Польскому королевству (с 1569 г. – Речи

¹ Однако непредвзятому читателю остается непонятно, на каком основании Файзрахманов утверждает, что татарское завоевание сибирских народов и распространение ислама несло народам Сибири высокую культуру и государственность, а присоединение Сибири к России и проповедь христианства принесли сибирским народам лишь гнет и лишения.

² В конце 1580-х гг. возродивший Иран после смуты шах Аббас предлагал Москве Дербент и Ширван в «оплату» антитурецкого военного наступательного союза [89, с. 107–108].

³ Родс Мэрфи насчитал по документам финансовой отчетности рост списочной численности янычар: от 7886 чел. в 1527 г. до 39282 чел. в 1609 г., тимариотов – от 99261 в 1527 г. до 170550 в 1609 г. Хотя в то же время постоянная столичная армия (капу кулу), во главе которой султан или его полководец выступал в поход, на 1574 г. едва превышала 29 тыс. чел., а янычарский корпус к концу правления Сулеймана Кануни в 1567 г. насчитывал 12798 чел. [136, р. 16, 38–39, 42, 45]. Впрочем, относительно численности капькулу С.Ф. Орешкова приводит весьма отличные от подсчетов Мэрфи данные: на 1562/63 г. – 48316 чел. [91, с. 14].

⁴ Эта характерная черта московско-турецких отношений, справедливо отмеченные Ш. Лемерсье-Келькеже, А. Беннигсеном, И.В. Зайцевым и некоторыми другими для XVI в. в полной мере отражает и суть московско-турецких отношений вплоть до 70-х гг. XVII в. См., например: [56, с. 172].

Посполитой обоих народов)⁵. Не способствовали актуализации агрессивных планов Оттоманской империи в отношении Москвы и Поволжья и хорошо известные в Стамбуле амбиции крымских Гиреев.

Пока Московское государство утверждалось в Поволжье и впервые шагнуло на Кавказ⁶, Оттоманская империя в целом успешно завоевывала у императора Священной Римской империи Венгерское королевство [125, с. 28–30, 35–36 и др.]⁷, распространяло свою власть на Средиземном море⁸ и в Северной Африке⁹, на Востоке – утвердилась в Арабском Ираке и Западной Армении [89, с. 105 – Согласно турецко-иранскому перемирию в г. Амасье в 1555 г.]. Даже объединенный флот «Священной лиги» христианских государств (Испания, Римский папа, Венеция, Генуя, Савойя, Мальтийский Орден) не смог в 1560 г. у острова Дьерба (Тунис) нанести поражение флоту Оттоманской империи, безраздельно господствовавшей на море. Успехи османской экспансии снизили накал религиозной борьбы в Европе католиков с протестантами¹⁰ и способствовали подписанию в 1555 г. Аугсбургского религиозного мира, а как следствие – крушению планов Карла V по созданию единой Католической империи, а также отречению его от престола¹¹. Противостоящего же Габсбургам короля Франции те же успехи Османов сделали их союзником [125, с. 29] – то явным, а когда по политическим соображениям это становилось для христианнейшего католического монарха неудобно, – тайным¹².

Однако непрерывная конфронтация с государствами Священной лиги, несмотря на все турецкие успехи, была не столь однозначна для Османов. Мирные договоренности католиков с протестантами, спровоцированные османским натиском, в свою очередь грозили расширением антиосманского союза и эскалацией политической изоляции Оттоманской империи в Европе. Кроме того нельзя не дооценивать такие факторы, сопутствующие Оттоманской империи уже в эпоху ее расцвета, как борьба придворных группировок за власть и влияние при Дворе и финансирование влиятельных фигур Дивана и Гарема иностранными кампаниями и государствами.

Свои вести о подготовке турецкого похода на Астрахань русский посол А. Ф. Нагой начинает с сообщения о приезде в Крым в сентября 1563 г. турецкого чавуша [44, с. 25]. По донесению московского гонца Е.Ржевского, осенью того же 1563 г. представители астраханских татар, горских черкес, каких-то (малых?) ногаев и казанских эмигрантов, провоцируемые приехавшим в сентябре гонцом Сигизмунда II Августа А.Владыкой, призывали в Бахчисарае к походу на Астрахань [88, с. 24; 44, с. 25]. В том же году Астраханский проект был представлен султану великим визирем

⁵ После двух балканских экспедиций польского короля Владислава Варненчика, носивших характер крестовых походов и закончившихся для короля гибелью [127] все последующие польские короли до XVII в. стремились избежать конфликтов с Оттоманской империей. Расходясь в оценках османской политики Ягеллонов польские историки единодушны в определении ее мирной направленности: [97, с. 14–32; 130, s. 270–276, 278–279].

⁶ В результате черкесского посольства 1557–1558 гг. большая часть кабардинских князей присягнула Ивану IV в подданстве: [66, с. 38].

⁷ Почти одновременно с Казанью пала венгерская крепость Темешвар в Трансильвании, ставшая центром нового бейрербейлика, а в следующем 1553 г. – крепость Эгер: [131, p. 37; 95, с. 64].

⁸ В 1547 и 1551 гг. османские флот и десант атаковали Мальту [62, с. 202–203; 87, с. 225]. В 1558 г. Пийаль-паша захватил Балеарские острова в непосредственной близости от побережья Испании.

⁹ В августе 1551 г. бей Триполи признал власть османского султана, а в год взятия русскими войсками Астрахани на трон Триполи сел бывший турецкий корсар, а теперь командующий османским флотом Доргут Реис (Драгут, Драбут) [62, с. 203–204; 63, с. 408; 87, с. 229].

¹⁰ В Священной Римской империи германской нации налог «турецкой помощи» напрямую увязывался с уступками императора протестантам: [124, с. 208].

¹¹ Впрочем, от испанской короны Карл V (как король Испании – Карл I) отрекся в январе 1556 г. в пользу своего сына Филиппа, а до конца года передал ему и владения Бургундского дома. От короны же Священной Римской империи Карл V отрекся уже в монастыре св. Юста в 1558 г. в пользу своего брата Фердинанда [29, с. 55. – Об Аугсбургском религиозном мире подробнее см.: 96, с. 63–71].

¹² Неожиданная военная помощь протестантам в Германии против Габсбургов вопреки достигнутым с Францией договоренностям, которая совпала со столь же неожиданной во время перемирия атакой границ Священной Римской империи на Балканах войсками Сулеймана Великолепного и ультиматум султана о снятии блокады союзным католическим флотом острова Дьерба, где христианам удалось, наконец, запретить известного мусульманского пирата Доргута (Драбута), явились звеньями одной политической интриги в рамках франко-турецкого союза, целью которой было не допустить поимки этого прославленного пирата. После полного успеха франко-турецких усилий султан назначил спасенного им и королем Генрихом Доргута (Драбута) командующим флотом Оттоманской империи [87, с. 227–228].

Соколлу Мехмед-пашой [36, с. 149]. Позже московский посол И.П. Новосильцев сообщил, что дефтердар Касым-паша, будущий кафинский паша и командующий экспедицией, призывал в Стамбуле к походу на Астрахань еще Сулеймана I Кануни (1520–1566), но, видимо, уже после великого визиря [24, с. 81; 88, с. 25; 36, с. 149; 44, с. 125]. Таким образом, при дворе Сулеймана сложилась условная придворная партия, выдвинувшая проект османской экспансии на Северо-Восток с созданием широкой коалиции суннитских государств и племен во главе с Оттоманской империей. Есть прямые указания, что Селиму II идею Астраханской экспедиции внушил великий визирь Соколлу Мехмед-паша [102, с. 324; 131, р. 39 – у В.Д. Смирнова «Джелиль-Мухаммед-паша Долговязый»]. Актуализация этого проекта в 1566 г. тесно связана с именем того же Касым-паши [88, с. 24; 44, с. 125, 254]. Не владея информацией о всех тонкостях и хитросплетениях придворной борьбы при дворе Сулеймана I и Селима II (1566–1574), есть все основания предположить, что при выборе вектора экспансии в 1560–1570-е гг. сторонники Астраханского направления не должны были поддерживать открытую конфронтацию с Венецией. Ее владения хотя и были чрезвычайно соблазнительны, но приобретение их грозило Османам прервать один из важных путей поставки в империю европейских технологий и новинок, в первую очередь, военных¹³. Хорошо известно, что одним из главных инициаторов ниспровержения венецианской власти в Восточном Средиземноморье был фаворит султана Селима Юзеф Нази, яростно ненавидевший морскую республику. Нази в этом газавате поддерживали второй визирь Пийаль-паша и пятый визирь Лала Мустафа-паша. Против открытого военного столкновения с Венецией выступал великий визирь Соколлу Мехмед-паша, питавший к Нази чувства едва ли лучшие, чем последний к Венецианской республике [130, с. 266]. Великого визиря в определении направления военной активности Османов поддержал великий муфтий Эбусууд-эффенди, к которому, вероятно, стекались жалобы мусульманских паломников с просьбами очистить от «кафиров» паломнические пути в Нижнем Поволжье¹⁴. Надо полагать, что идею завоевания низовьев Волги и утверждения тем самым Оттоманской империи на Северном Кавказе и выдвинули, именно противники Венецианской войны. Необходимо учитывать вероятность и того, что появление Астраханского проекта стало плодом борьбы отдельных придворных и партий при Константинопольском дворе, преследовавших и свои личные или корпоративные интересы.

Проект предполагал в русле традиционной политики газавата в целях ликвидации военно-политических успехов христиан над мусульманами через Астрахань установить постоянную связь и военно-политический союз с суннитами Средней Азии, после чего единым фронтом обрушиться на иранских «еретиков» – шиитов [125, с. 24, 33–34]. В соответствии с этим османским военно-политическим проектом Астрахань с построенной османами сильной крепостью и турецким гарнизоном должна была превратиться в самый восточный форпост Османской империи, в плацдарм борьбы с «неверными» и «еретиками». В 1564 г., не смотря на все старания крымского хана убедить султана и его окружение отменить задуманное предприятие, султан объявил о походе на Астрахань. На фоне османских инициатив на территориях бывшего Улуса Джучи Девлет-Гирей всячески демонстрировал Москве дружелюбие [44, с. 26, 32 и др.]¹⁵. Но в 1564 г. поход все же не состоялся из-за начавшейся войны с Габсбургами [117, с. 260].

В начале 1565 г. испанский флот, к которому присоединились союзные корабли Мальтийского ордена, захватил Тунисский порт и несколько городков в Северной Африке. В ответ султан двинул против маленького непокорного острова турецкий флот и армию янычар, которые с мая по сентябрь безуспешно осаждали крепости мальтийских рыцарей, понеся большие потери [87, с. 230–240]. В следующем 1566 г. султан объявил о новой экспедиции на Мальту, но взрыв арсенала в

¹³ Впрочем, союз с французским королем в известном смысле компенсировал и нивелировал возможные потери для Оттоманской империи.

¹⁴ О жалобах мусульманских паломников из Хорезма на притеснения их в Астрахани и необходимости очищения от неверных Астраханского пути сообщают многие турецкие документы, посвященные подготовке и организации астраханской экспедиции: указы Селима II от 9 февраля 1568 г. Кафинскому санджакбею и санджакбею Амасии от 20 августа 1568 г. о подготовке османского похода на Астрахань, послания султана крымскому хану Девлет-Гирею I от 9 февраля и от 27 июня 1568 г. о подготовке к Астраханскому походу, хивинскому хану Хаджи-Мухаммеду от 9 февраля 1568 г. о скором очищении Астраханского пути от неверных: [11. № 19, с. 141; № 20, с. 146; № 21, с. 152; № 23, с. 161; 118, с. 509].

¹⁵ Так, например: 9 марта 1564 г. Иван IV по обоюдной договоренности присягнул перед крымским послом Джан-Болды и гонцом Ашибашем (Ашибашем Фрухом) в дружбе и согласии с крымским ханом с тем, чтобы хан учинил такую же присягу по переводу русской грамоты «слово в слово»: [80, с. 7].

Константинопольском порту нанес такой ущерб флоту, что от экспедиции на Мальту пришлось отказаться. Преследовавшие османский флот неудачи не помешали Сулейману I Кануни выступить с сухопутной армией на Венгрию 1 мая 1566 г. В августе-сентябре в тяжелых боях за венгерскую крепость Сигетвар (Шегетваре, сражение за крепость Шегет (Шигет) в Бараньи – Трансильвания) турецкие войска нанесли поражение имперцам и венграм и взяли крепость. Однако тяжелые бои не прошли бесследно и для турок, в итоге от следующей венгерской крепости в Трансильвании – Эрлау османам пришлось с позором отступить [95, с. 64].

Начавшееся в 1566 г. освободительное антигабсбургское антикатолическое движение в Нидерландах поначалу не встревожило испанского короля Филиппа II, но в ближайшей перспективе отвлекло силы главного союзника антиосманского блока¹⁶, владевшего на тот момент самым мощным христианским флотом. Мир с Испанией 1566 г. и последовавшие в начале 1568 г. 8-летнее перемирие с императором Максимилианом II и подписанный в том же году мирный договор с Ираном, наконец, позволили Османам обратить свою военную машину на север [131, р. 39; 118, с. 508]. Вспыхнувшее в 1568 г. в ответ на политику открытого террора нового наместника герцога Альбы открытое восстание в Нидерландах против испанского владычества на несколько лет поначалу вывело Испанию из активной борьбы на Средиземном море. Видимо, под влиянием нидерландских событий император Максимилиан II в 1568 г. перед лицом османской угрозы разрешил отправление евангелического культа дворянами и их подданными в Верхней и Нижней Австрии [96, с. 85].

В декабре того же злополучного для Испании 1568 г. уже на самом Пиренейском полуострове в Андалузии восстали мориски. Лидеры повстанцев связались со своими братьями по вере и получили помощь от алжирцев и турок. Лишь к марту 1571 г. с большими трудностями одному из наиболее талантливых испанских полководцев дону Хуану Австрийскому удалось подавить восстание [29, с. 61–63].

Теперь, когда Испания увязла в Нидерландах и в Андалузии, на фоне убедительных успехов экспансии Оттоманской империи на Западе Османы смогли развернуть свою военную машину на Северо-Восток. Селим II «преклонил ухо» к Астраханско-Среднеазиатскому проекту. Однако астраханская экспедиция Касим-паши с ханом Девлет-Гиреем I потерпела убедительное фиаско [Об Астраханской экспедиции подробнее см.: 102, с. 324–327; 99; 38; 61, с. 184; 36, с. 145–166; 50, с. 167–174; 64, с. 116–144; 42, с. 174–193; 117, с. 261–262; 118, с. 509–514; 48, с. 248–253].

После провала турецко-крымского похода на Астрахань в 1569 г. Иван IV Васильевич все еще надеялся избежать открытого военного столкновения с Османской империей и Крымским ханством. В Москве были хорошо осведомлены и об османско-крымских [72, с. 214–215; 48, с. 258] и о крымско-ногайских противоречиях [109, с. 265–266, 354, 356; 118, с. 513]. Экономическая поддержка Ногайской Орды Москвой, конница которой участвовала в разорении Ливонии и Литвы в составе русских войск, способствовала преодолению ногаями тяжелых последствий Смуты в Орде [109, с. 352, 615–616; 107, с. 101–114]. Однако, повышение уровня жизни ногаев оказалось обоюдоострым оружием. Несколько оправившаяся после разорения Смуты Ногайская или Большая Орда стала тяготиться патронажем «белого царя» [Там же]. Курс на конфронтацию с Москвой стал формироваться в ногайской среде еще в 1560-е гг., когда Нижнее Поволжье и Северный Прикаспий оказались стратегически важным регионом для Оттоманской империи, главным образом, в контексте ее борьбы с Ираном.

Для ногаев реализация османского проекта северо-суннитского союза обещала положить конец претензиям крымских ханов на власть над Ногайской Ордой и «Астраханским юртом», с одной стороны, и власти иноверного христианского царя – с другой. Скромное участие ногаев в Астраханском походе 1569 г. (в основном – фуражировка) было следствием двух обстоятельств – наличия сложившейся за десятилетия в ногайской среде сильной московской партии [109, с. 272–273, 620], а также участия в походе (хотя и против своей воли) крымского хана, который не был в ногайских кочевьях желанным гостем. Но поход также показал крайне низкую эффективность

¹⁶ В 1566 г. союз нидерландских дворян «Компромисс» подал петицию наместнице Маргарите Пармской, а по стране прокатилась серия иконоборческих протестантских выступлений горожан и крестьян. Напуганная наместница до окончательного решения вопроса королем удовлетворила многие из требований дворянской петиции. Но стремление к компромиссу было не свойственно политике Филиппа II, поэтому в следующем 1567 г. испанский король заменил свою родственницу своим ближайшим советником Фернандо Альваресом де Толедо, герцогом Альбой, подкрепив его авторитет 18-тысячным войском [120, с. 168–171].

турецкой антимосковской пропаганды в ногайской среде [56, с. 173]. Сила промосковских настроений в ногайской среде была прямо пропорциональна вполне обоснованным опасениям последствий в случае провала османского похода (как и получилось в итоге) – Волга и все переправы через нее, от которых зависел годовой жизненный цикл ногайских кочевий, контролировались московскими воеводами [109, с. 616, 619–620]. Приверженность Ногайской Орды политическому союзу с Москвой имела и такое мощное экономическое основание, до сих пор в должной степени не оцененное историками, как конская торговля. Судя по всему, никто более из ногайских соседей не был готов закупать у ногаев их коней – главную «производственную» статью кочевого хозяйства – в таком количестве как Московское государство. Впрочем, эта зависимость была обоюдной. И если экономическое значение этой торговли для Москвы было не столь велико как для ногаев, то военно-политическое значение многочисленных ногайских табунов было весьма существенно¹⁷.

В силу названных обстоятельств расчет Ивана IV избежать полномасштабной войны с Оттоманской империей полностью оправдался и дает основание современным исследователям для высокой оценки как профессиональной деятельности Посольского приказа, так и личности Грозного царя в качестве политика и дипломата.

Совершенно иначе проблема утверждения России на Волге стояла в московско-крымских отношениях. Девлет-Гирей, не решаясь возражать против османского проекта завоевания Астрахани, сделал все от него зависящее для провала Астраханской экспедиции Касим-паши. В Крыму открыто заявляли свои претензии на оба престола – и на Казанский и на Астраханский [3, л. 156, 159–160 об., 162–164 об., 166 об.–167 об., 169–169 об.], но первый из них должен был стать лишь «разменной картой» в политическом торге с Иваном IV¹⁸. Реально хан и его ближайшее окружение мечтали лишь об Астрахани с одним из ханских сыновей Гиреев на престоле, что в итоге обещало отдать во власть хана всю Большую Ногайскую Орду. Но сделать это следовало без помощи османов, силу обьятий которых хорошо знал Девлет-Гирей. Новый поход на Астрахань был уже объявлен султаном, когда в его окружении произошла переоценка приоритетов экспансии Империи: с австрийскими Габсбургами действовал подписанный в 1568 г. в Адрианополе мирный договор, разделивший Венгрию на 3 части (Королевскую, Турецкую и Трансильванию), с 1568 г. антииспанское антигабсбургское движение в Нидерландах переросло в национально-освободительную войну, в самой Испании с конца 1568 до марта 1571 г. Андалузия была охвачена антииспанским восстанием морисков. Перед османами открывалась перспектива зачистить Восточное Средиземноморье от последних христианских владений. Первым и наиболее лакомым призом для турок стал венецианский Кипр.

Как только стало ясно, что новый турецкий поход на Астрахань откладывается на неопределенный срок, Девлет-Гирей решил действовать. Хан понимал, что цель перед ним стоит еще не бывалая, и обычными набегами и погромами московского царя не заставить отдать «дедовские юрты». В своих контактах с Крымом усилившаяся после преодоления смуты ногайская элита теперь казалось бы могла претендовать на равноправные партнерско-союзнические отношения. Военно-политическая ситуация в Восточной Европе в начале 1570-х гг. создала благоприятную почву для военно-политического союза Ногайской и Крымской орд, хотя такой союз и не мог быть долговечным. Союз сложился в контексте конфронтации с Московским государством, его результатом стало масштабное участие многочисленной ногайской конницы в двух походах хана Девлет-Гирея I на Москву – в 1571, но особенно – в 1572 г.

Другой составляющей крымской политики, которая привела хана к блестящему успеху под Москвой в 1571, а следом и к Молодинской катастрофе 1572 г., стали турецко-крымские противоречия [102, с. 308–312, 319–320; 37, с. 75] на фоне военно-политического положения Оттоманской империи в начале 1570-х гг. Успехи Девлет-Гирея до 1572 г., поднявшие его авторитет в татарской среде, сделали его более заносчивым и менее осторожным в сношениях с турками, что увеличило

¹⁷ Позднее в Смутное время нач. XVII в. именно главная Ногайская дорога вдоль Волги через Казань и Нижний Новгород, по которой гнали на Русь табуны боевых ногайских коней [86, с. 48–64; 108, с. 165–174; 109, с. 509, 526–529], стала важнейшим военно-экономическим фактором, во многом предопределившим лидирующую роль Нижнего Новгорода в организации Второго ополчения, освободившего Москву от польско-литовских интервентов в 1612 г.

¹⁸ Встречающееся в посольских документах требование со стороны хана и султана в том числе и казанского престола было исключительно декларационно – «права» Гиреев на Казань были тем козырем, который хан собирался сдать Москве в обмен на астраханский престол [44, с. 225].

число его противников при султанском дворе и не могло способствовать проведению совместных военных операций к северу от Крыма. Угроза свержения его с престола османами спровоцировала династический кризис 1577–1588 гг. [44, с. 243–244, 251–252].

Обращаясь к походам Девлет-Гирея на Москву в 1571 и в 1572 гг., необходимо хотя бы кратко остановиться на вопросах военной стратегии, тактики и военной организации Крымского ханства. Не смотря на кажущуюся изученность московского похода Девлет-Гирея 1572 г., целый ряд фактов, а также стратегических и тактических обстоятельств этой кампании не получили должной исторической оценки исследователями.

Крымское ханство имело достаточно ограниченные по своим возможностям и весьма специфические вооруженные силы, численность которых в историографии традиционно сильно преувеличивается¹⁹. Причиной последнего является некритическое использование нарративных источников, сообщающих априори завышенные либо вовсе фантастические цифры в соответствии с идеологическими и политическими задачами, либо в силу литературной традиции. Основу войск крымских ханов составляли отобризованные для военного грабежа номады. Общий характер вооруженных сил не изменили и немногочисленные капы-кулу и сеймены, учрежденные по турецкому образцу предшественником Девлет-Гирея Сахиб-Гиреем (1532–1551) [102, с. 313; 54, с. 210–228; 48, с. 190–191]. Крымские ханы традиционно добивались от соседей выполнения своих требований разорительными набегами и нашествиями либо их угрозой. Так с 1559 по 1570 г. М.Ю. Зенченко насчитал 9 крупных татарских вторжений в Московское государство, не считая мелких набегов на окраины [58, с. 38]. Прямых военных столкновений с тяжелой европейской конницей и многочисленной пехотой ни крымчаки, ни ногаи не выдерживали; борьбы за крепости с правильной осадой и фортификационными работами не знали и старались избегать. Однако столкновения как с московской, так и с литовской конницей татары не боялись, пехота же в составе московской армии как род войск до середины XVI в отсутствовала [92, с. 6–9], и с ней татарам в полевом сражении еще не приходилось иметь дела. Участие стрельцов и пеших казаков в присоединении Поволжья тактически не выходило за рамки борьбы за крепости и походов судовых ратей прежних эпох [40, с. 36–51; 119, с. 390–397; 27, с. 44–47; 28, с. 7–18, 56–61, 70–94 и др.; 81, с. 328–330; 82, с. 91–102; 79, с. 216–219], что не может рассматриваться как участие пехоты в полевых боях. Даже отряды московских пищальников и стрельцов, изредка посылавшиеся московскими самодержцами на помощь своим ногайским союзникам, были скорее политическим нежели военным фактором, призванным продемонстрировать противнику реальность и надежность тыла союзников Москвы.

В свою очередь, после присоединения Поволжья и благоразумного отказа от попытки покорения Крыма Иван IV полностью переориентировал вектор политической активности Московского государства на Северо-Запад. Сюда, на завоевание и удержание Ливонии были брошены основные силы и ресурсы страны. На юге же Московское государство ограничивается совершенствованием традиционной береговой службы, а также становлением и развитием сторожевой и станичной службы, базировавшейся на выдвинутые в Поле крепости – немногие старые, возрожденные и вновь основанные города [33, с. 36–41; 31, с. 134]. Д.И. Багалея вслед за И.Д. Беляевым называет 16 городов, составлявших в середине XVI в. т.н. «первую линию»: Алатырь, Темников, Кадом, Шацк, Ряжск, Данков, Епифань, Пронск, Михайлов, Дедилов, Новосиль, Мценск, Орел, Новгород-Северский, Рылск, Путивль, – и 9 т.н. «вторую линию»: Нижний Новгород, Муром, Мещера, Касимов, Рязань, Кашира, Тула, Серпухов, Звенигород [33; 31, с. 36]. К этим городам следует добавить еще Зарайск, где каменный Кремль был возведен в 1528–1531 гг. [69, с. 112; 45, с. 220–221]. Из первых городов Михайлов был построен еще накануне взятия Казани (1551), Шацк – на следующий год после (1553), Ряжск – на следующий год по взятию Астрахани (1557). В 1561 г. параллельно с ликвидацией русскими войсками Ливонского ордена [113, с. 93] «польская Украина» была укреплена острогами на реках Плова и Солова на Муравском шляхе [78, с. 296]²⁰. С началом

¹⁹ Ярким примером перенесения мифических сведений о численности татарских войск и потерь (и не только татарских) из нарративных сочинений на страницы своей книги от первого лица является двухтомный научно-популярный очерк крымского историка Олексы Гайворонского по истории Крымского ханства, где сражаются 100-, 200-тысячные армии, а потери убитыми исчисляются тысячами и даже десятками тысяч человек [48, с. 157, 172, 200, 202, 203, 208–211, 220, 238, 260 и др.].

²⁰ В литературе упоминаются сразу три города: Плова, Солова и Крапивна, однако в источниках все три города одновременно никогда не встречаются. Вопрос требует, конечно, отдельного исследования: в XVI в.

подготовки турками экспедиции к Астрахани в 1566 г. русские поставили Епифань [71, с. 43–68] и Орел. В возведении же в следующем году по просьбе тестя царя черкасского князя Темрюка Идарова русским отрядом воевод кн. А.С. Бабичева и П.Протасьева на Кавказе первой русской крепости Терки [70, с. 42; 44, с. 66] под формальным предлогом защиты родственника можно предполагать и своеобразный «ответ» султану на объявление похода и фигуру будущего политического торга как с султаном, так и с ханом. Тем самым Иван IV демонстрировал желание и готовность закрепиться в землях своих новообретенных подданных, присягнувших царю еще в 1557–1558 гг., в непосредственной близости от Крыма, в зоне, воспринимавшейся крымским ханом не иначе как наследие Золотой Орды и где до сих пор влияние Крыма оспаривал лишь сюзерен хана – султан Оттоманской империи²¹. Параллельно же с объявлением султаном похода в 1568 г. поставлен Данков [60, с. 344; 106, с. 402, 403, 422; 58, с. 38–39].

Но все же Ливонская война сильно ограничила возможности России по противодействию военной активности крымских татар как на Северном Кавказе, так и на «польской уkraine» государства. Попытки Ивана IV заключить полноценный мир, который означал бы признание русских завоеваний на востоке, юге, западе и северо-западе не увенчались успехом ни в отношении ВКЛ и Польского королевства (после 1569 г. – Речи Посполитой), ни – Швеции, ни – Крымского ханства и Оттоманской империи. Однако, катастрофической ситуацию назвать было нельзя: соседей не столько связывала московитская угроза, сколько раздирали противоречия сепаратных интересов. Хотя наметившийся было союз со Швецией рухнул вместе с падением Эрика XIV, но новый король Юхан отправил в 1569 г. в Россию шведское посольство епископа Павла Юстена для переговоров о мире. Посольство по приказу царя было задержано и по сути арестовано в Новгороде, уже из Москвы на положении пленников дипломатов отправили в Муром, где они находились вплоть до 1572 г. [Отчет Павла Юстена опубликован, а обстоятельства этого посольства подробно изложены в литературе: 26; 51, с. 310, 314; 41, с. 33–65; 65. 66–89; 118, с. 517–520; 117. 254–255 и др.]. А 22 июня 1570 г. посольство польского короля Сигизмунда II Августа (1520–1572) во главе с иновроцлавским воеводой Яном Кротосским (в русских источниках – Скртошиным) подписало в Москве перемирие на 3 года [18, с. 264; 128, s. 187; 51, с. 315–317].

Перемирие было как нельзя более вовремя. Давление крымцев на юге нарастало: весной 1570 г. царевич Адыл-Гирей разгромил Кабарду и взял в плен двух сыновей князя Темрюка. Сделав их заложниками, он вывел принявших русское подданство черкесских князей из игры, заставив присягнуть на верность хану [117, с. 263]. В мае одновременно с открытием военных действий османами против Венеции, крымские царевичи совершили опустошительный рейд по Рязанскому и Каширскому уездам [58, с. 38]. Тогда же, видимо, памятуя турецкий поход на Астрахань, венецианский дож прислал к Ивану IV грамоту с предложением присоединиться к фронту христианских держав против мусульманской угрозы [61, с. 269]. Увлечшись новым политическим проектом в Ливонии – созданием вассального Магнусового королевства, – Иван IV слабо реагировал на нарастающую угрозу с юга. Пока новообретенный «голдовник» царя Ивана и одновременно новоиспеченный ливонский король Магнус безуспешно осаждал Таллин²², шведский и датский короли успели помириться, а татарский отряд разграбил окрестности Новосила [58, с. 38]. Вскоре воевода кн. И.Д. Бельский прислал вести о татарском вторжении. Царь выступил во главе опричников из Слободы, но угроза оказалась преувеличенной, и татары на берег Оки так и не вышли. В Серпу-

фигурирует двуединая служилая корпорация Пловы и Соловы, в XVII в. вместо них появляется город и корпорация Крапивны. Описания всех трех городов за XVI в. не сохранились [9]. Пока мы можем лишь предполагать, что Крапивна – позднее название старой Пловы, либо что Крапивна, была построена на новом месте при впадении р. Плавы в реку Упу (Тульская обл.) вместо захиревшей Соловы и исчезнувшей Пловы. В последнем случае старую Плову можно предполагать на месте совр. поселка городского типа Плавска в среднем течении р. Плавы в Тульской обл., а Солову – на месте совр. поселка сельского типа Солова при впадении рч. Камушки в р. Солову в Тульской обл. В материалах Поместного приказа самое раннее сохранившееся описание Соловы датируется 1677/78 г. [89, с. 220]. В пользу идентификации Пловы и Крапивны говорит и тот факт, что в материалах Поместного приказа описание Пловы не встречается вовсе, а о самое раннее сохранившееся описание Крапивны датируется 1624/25 г. [90, с. 124].

²¹ Есть мнение, что на эту часть наследства Золотой Орды претендовал также и тарковский шамхал, по мнению Г.-Р. А.-К. Гусейнова, после распада Большой Орды контролировавший эти территории [52, с. 76–69].

²² По подсчетам И.Б. Бабулина общая численность русских и ливонских войск осадной армии Магнуса на протяжении основного периода осады не превышала 3000 чел., и лишь к концу, когда провал похода стал фактически очевиден, была увеличена до 9000 чел. [30].

хове был проведен военный совет, посвященный станичной и сторожевой службе. По итогам этого совещания 1 января 1571 г. боярину кн. М.И. Воротынскому была «приказана» реорганизация пограничной службы. Однако реорганизация службы едва началась, ее становление будет происходить с учетом прорыва Девлет-Гирея в 1571 и кампании 1572 г. и в общих чертах завершится уже к концу 1570-х гг. [Последовательность и характер этой деятельности Воротынского и его последователей обстоятельно изложены в историографии: 33, с. 36–41; 58, с. 40–55].

Выступая в 1571 г. из Крыма Девлет-Гирей даже не мечтал об успехе, увенчавшем его поход. Возглавляемое им войско состояло из Крымской и Малой Ногайской Орд, азовских и белгородских татар: «приходил крымской Девлет-Гирей царь з детми своими со царевичи, а с ним крымские и белгородские и азовские и нагайские люди многие» [2, л. 400]. Также предположительно, в походе участвовали контингенты других подчиненных хану племен Северного Кавказа и какое-то количество ногаев из Большой Ногайской Орды [101, с. 424]²³. С другой стороны, после «ложной тревоги» предыдущего лета 1570 г. царь, поручив реорганизацию пограничной сторожевой службы кн. М.И. Воротынскому, не верил в реальность масштабного вторжения крымского хана с его ордами вглубь страны. Примечательно, что все могло произойти именно так, как планировал Иван IV: т.е. хан совершил бы очередной набег, на бродах и перелазах Оки его разъезды были бы отбиты, его орды разорили бы и пограбили украинные уезды, попленили бы крестьян и ушли домой продавать «товар с Севера». Судя по всему, именно такой сценарий ожидался и планировался как ханом, так и царем. Неожиданно Его Величество Случай «смешал все карты». Несколько русских перебежчиков приехали в Азов и непосредственно к хану и убедили его идти прямо на Москву, поставив свои головы на успех предприятия [61, с. 271; 101, с. 425; 117, с. 263–264].

Случай был беспрецедентный. Отъезды в соседнюю православную Литву представителей московской аристократии [Нельзя не согласиться с А.И. Филюшкиным: «Литва была единственной страной, куда русский аристократ мог бежать, не рискуя предать свою веру» – 112, с. 131] и рядового дворянства, как и побегии туда крестьян, хорошо известны в XVI – первой половине XVII вв., хотя не только о праве отъезда, но и об осознании такового права служилыми людьми XVI в. говорить не приходится [43, с. 119–120]. Не случайно отъезды особенно усилились с начала 1560-х гг. [115, с. 43]. Отъезды служилого, а тем более переходы тяглового (в приграничной зоне) населения ВКЛ и Московского государства – явления хоть и противозаконные, но не столь уж редкие и абсолютно обоюдные. Однако, на Руси не знали отъездов, тем более групповых, в мусульманские страны²⁴. Случай 1571 г. был исключительным²⁵. Думается, было бы излишне просто объяснить действия этих бесспорных изменников попыткой таким образом спасти свою жизнь или обрести более щедрого господина. Проблема, на наш взгляд, имеет многогранную, в том числе и культурно-психологическую основу.

Служилые люди, в том числе дворяне и дети боярские, как и клирики, и тяглые, в массе своей поначалу возможно с удовлетворением воспринимали террор в отношении московской элиты. Московское боярство XVI в. в полной мере впитало в себя традиции произвола средневековых суверенов. И помещики, и крестьяне, и посадские царствования Ивана Васильевича Грозного имели все основания повторить вслед за прошедшим многие мусульманские и языческие страны тверским купцом 2-й пол. XV в.: «нечикь Урус ери бегляри акой тугиль: Урус ерь абодан болсын; раст кам дарет» («хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля, и да будет на ней справедливость!») [25, с. 370–371]²⁶. «Истинный патриот и

²³ Слух об участии в походе черкесских родственников Ивана Васильевича, стоивший головы воеводе Передового полка князю М.Т. Черкасскому, вероятно, возник не на пустом месте.

²⁴ Мы не учитываем близкое Орде по образу жизни и средствам существования вольное казачество Дона и Днепра, которое являет нам примеры перехода, в т.ч. и массового, под власть «басурманского» покровителя или сюзерена – хотя и за более поздний период. Но даже старательно собранные и описанные историком случаи не дают основания утверждать, что для казаков не имело значения служить ли им христианскому государю или мусульманскому [100].

²⁵ Хотя следует учесть и тот факт, что несколько человек из числа изменников были новокрещенами, то есть служилыми людьми и боевыми холопами, перешедшими в православие при неизвестных нам обстоятельствах, – возможно, и не вполне добровольно, что могло послужить дополнительной мотивацией при измене [49, с. 42].

²⁶ При подготовке публикации текста «Хождения» проф. Н.Водовозовым несколько отличается не только ритмическое переложение этой фразы проф. Водовозовым, но и отдельно приведенный точный перевод: «Хоть бояре там люди недобрые... / Но земля да устроится Русская» – «Хоть бояре Русской земли не добры.

русский человек» [46, с. 16] эпохи великого князя Ивана III Васильевича, вероятно, не решился написать свои наблюдения на русском языке. Чтобы представить, до какой степени «недобры» были «бояре земли Русской» в XVI в., достаточно вспомнить, какими хозяевами ощущала себя на Великом княжении московская «магнатория» (подобно своим польско-литовским собратьям) в малолетство Ивана Васильевича. Нельзя не согласиться с А.А. Зиминим, тонко подметившим, как идеи свободы личности, культивировавшиеся при дворах польско-литовской магнатории (особенно протестантской), под пером таких московских аристократов как князь А.М. Курбский превращались «в проповедь боярского “самовластия”» [59, с. 165]. Возможно, не столь уж наивны были и русские повстанцы на протяжении XVII в., во время мятежей и гражданских войн видевшие своих главных социальных врагов именно в боярах. Упомянутого беглого аристократа, обличавшего безвинные казни и опалы и бессудные убийства, немилосердие и несправедливость царя, беспокоили, главным образом, «великие паны», «нарочитые благородные в родех», «мужи в роде славные», «силные и благородные», «княжата нарочитые». Поэтому пока расправы Ивана IV касались по преимуществу московской элиты, царь мог быть спокоен за поддержку своей политики основной массой дворян и детей боярских, впервые получивших представительство в органе высшей государственной власти в стране. Даже в условиях широкой антимосковской пропагандистской кампании в Европе и весьма неплохой осведомленности польско-литовской элиты о политике опричного террора [134, s. 102] на элекционном сейме 1572 г. литовская шляхта, поддержанная представителями шляхты коронной бурно выдвигала кандидатуру Ивана Грозного на польский престол, надеясь как раз на то, что став и польским королем, царь сможет сломить могущество и ограничить произвол польско-литовской магнатории, которую в этом случае постигнет участь московского боярства [132, s. 29].

Завоевание Поволжских царств навсегда решило проблему набегов на внутренние земли Московской Руси с востока, впервые создав зону безопасного земледелия в Замосковном крае. Это дало царю колоссальный кредит доверия во всех слоях московского общества. Учреждение и развитие Опричнины вывело опалы и казни на новый уровень, породив опричный произвол, пришедший на смену боярскому, а в конечном счете и парализовавший отдельные органы государственной власти. Измены 1571 г. показали, что кредит доверия в обществе к политике царя в известном смысле исчерпан.

В отъездах к крымскому царю проявились настроения, распространившиеся в служилой среде в результате разрастания и углубления опричного террора, особенно после похода на Новгород и московских казней 1570 г., когда «Крестьянского» царя православные московские люди начали бояться более чем вражеского нашествия. Причем, нашествия не только иностранных войск вообще [101, с. 424], но и известных каждому служилому человеку, клирику, крестьянину или посадскому «извечных» врагов Руси – татарских орд, борьба с которыми до этих пор большинством населения безусловно признавалась общенародным делом. На сегодня мы не располагаем данными о причинах запустения значительных территорий государства к концу Ливонской войны, выявленного первой валовой переписью поместно-вотчинных земель первой половины 1580-х гг., но нельзя исключать и того, что какая-то часть населения, не пожелавшая переходить на сторону врагов Московского государства, просто ушла на Дон, в леса Русского Севера, в Сибирь или Литву²⁷. Зато мы имеем вопиющий пример открытой измены, судя по всему, без какого-то специального коллективного предварительного заговора: все изменники были представителями рядового провинциального дворянства – основы вооруженных сил России XVI в., – не только из разных слу-

Да устроится Русская земля» [6, с. 122, 170, прим. № 172]. Поскольку мы не можем уверенно утверждать, не имел ли ввиду под эмирами Афанасий вообще власть и земли придержащих, включая и удельных князей, и бояр, постольку и слово эмиры в переводе представляется предпочтительней, не смотря на кажущуюся нелепость транскрипции.

²⁷ Сколько крестьян погибло или бежало от войны, татарских набегов, опричнины, эпидемий или по совокупности тех или иных обстоятельств, в каком процентном соотношении находятся все эти причины, равно имевшие место в русской истории в 1560-х – начале 1580-х гг. – строго говоря, мы не можем сегодня ответить на этот вопрос, не уклоняясь в идеологические подтасовки и передергивания фактов в угоду той или иной научной или околонучной концепции. Более или менее объективную (но несомненно не полную) картину могли бы дать обработка и систематизация итоговых данных писцовых книг по всей территории страны названного валового описания 1580-х гг. и их сравнение с сохранившимися писцовыми описаниями предшествующей эпохи. Однако этот титанический труд вряд ли по силам одному или даже нескольким исследователям. Лишь систематическая научная публикация писцовых книг может приблизить нас к этой цели.

жилых корпораций, но и из разных регионов страны [Все известные нам на сегодня перебежчики и обстоятельства измены подробно перечислены А.И. Гамаюновым: 49, с. 42].

Недовольство земского дворянства, в том числе и провинциального, имело своим экономическим основанием многократно усилившийся произвол опричных помещиков, не только переманивавших, но и свозивших «сильно» их крестьян. В условиях феодального общества, где представления о справедливости и «благоверности» монаршего правления не отделимы от восприятия монарха как праведного, истинного и законного [76, с. 56, 73 и др.], опричные эксперименты Ивана IV в духе крайней абсолютизации царской власти и создания государства в государстве неизбежно должны были привести к дестабилизации политической, социальной и экономической системы московского общества. Уже известные факты бегства представителей московской элиты в Литву подтверждают широкое распространение недовольства опричными порядками Ивана IV и самими опричниками, метко прозванными в народе крошечниками – т.е. слугами «Нечистого». Источники не позволяют проследить в деталях масштаб отъездов в Литву провинциальных дворян и детей боярских, но уже в 1568 г. русские перебежчики по сути пророчески показали: «А теперь-дей в нас горей татар оприщина, што-дей своя земля с собою режетца, и тая-деи оприщина бардзо землю Московскую пунту чинит, а так-дей многие люди наши просят Бога со слезами, што быхмося господарю вашому остали» [Archiwum Sanguszków. VII. Lwów, 1910, s. 273 – цит. по: 115, с. 44. сноска 38].

В своей первой, обращенной к Ивану Грозному «епистолии» князь Курбский постскрипту писал о близком царю и пока не идентифицированном историками «богоборном Антихристе» с «синглитом», который «по вся дни шепчет ложные во уши царю и льет кровь христианскую аки воду... аки согласник делом Антихристу – не пригоже таким потакати, о царю!» [13, с. 299–300]. После этого Курбский неточно цитирует Ветхий Завет об отрешении от церкви моавитян, аммонитян и «выблядков» [Втор. XXIII, 2–3]. Разбиравший это место послания А.И. Филюшкин в объяснении цитаты сосредоточился на слухах о незаконнорожденности Ивана Грозного, увязывая эту тему с упоминанием во Второзаконии «выблядков» и двух народов, произошедших от преступного кровосмешения [Быт. XIX, 36–37], развивая предположение В.Б. Кобринина о намеке Курбского на слухи о незаконнорожденности царя [112, с. 167–171]. Однако, указание князя Курбского на неизвестного историкам, но вероятно, безошибочно угадываемого современниками советника царя, выше именуемого «Антихристом», вполне определенно, моавитяне же и аммонитяне должны символизировать названный «синглит». Пятая книга Моисеева отрешает от церкви эти два народа не за происхождение их предков, а за нарушение священных законов гостеприимства и проклятие в отношении Богоизбранного народа [Втор. XXIII, 4], что должно рассматривать как намек и на опричнину и на часть московской элиты, участвовавшую в травле опальных, просто не оказавшую помощи и поддержки попавшим в опалу. Такое понимание цитаты подтверждает и Книга Пророка Софонии. В силу важности для правильного восприятия поведения кн. Курбского, выехавшего в Литву во главе целой когорты московских служилых людей, приведем это пророчество о народах Моава и Аммона целиком: «Слышал Я поношение Моава и ругательства сынов Аммоновых, как они издевались над Моим народом и величались на пределах его. Посему живу Я! Говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: Моав будет, как Содом, и сыны Аммона будут, как Гоморра, достоянием крапивы, соляною рывиною, пустынею на веки; остаток народа Моего возьмет их в добычу, и уцелевшие из людей Моих получают их в наследие. Это им – за высокомерие их, за то, что они издевались и величались над народом Господа Саваофа. Страшен будет для них Господь; ибо истребит всех богов земли...» [Соф. II, 8–11]. Образ библейских моавитян и аммонитян как нельзя лучше соответствует тому, что пишет Курбский о царе Иване Васильевиче и служащих ему, отсылая читателя к грозному пророчеству²⁸.

²⁸ Рассматривая цитату о Моаве и Аммоне из Второзакония через призму пророчества Софонии в приведенном послании кн. Курбского можно услышать и бессильную злобу на тех, кому достанутся конфискованные богатства Курбского и его спутников-беглецов, их вотчины и поместья. Кроме того данный послание мог быть обращен и к конкретным либо гипотетическим респондентам. Известно, что ограбленный при бегстве теми, к кому он бежал, изменник искал займа у своих бывших соотечественников. Но в трудах историков практически не отмечено значение кабальных долгов в истории московских служилых сословий, особенно – московской элиты. Сохранившиеся духовные вскрывают впечатляющий масштаб заложенных земель, данных и взятых в долг денежных сумм, данных и взятых в пользование ценных вещей. В личной беседе В.Д. Назаров высказал автору следующее объяснение данного наблюдения, с которым автор полностью солидаризируется, что взаимные займы представителями московской элиты вещей и денег служили определенной материально-финансовой подстраховкой на случай великокняжеской, потом – царской

За более поздний период, по материалам массовых документальных источников XVII в., в спорах русских людей с литовцами и поляками о преимуществах образа жизни в Московском государстве и Речи Посполитой русские люди на разные лады, но неизменно возражали «литве и ляхам» о польско-литовской «свободе» и московском «рабстве», что знаем де, какая у вас свобода: у кого сабля в руках – того и свобода, а у нас царь самого последнего крестьянина от самого сильного боярина защитить может. Вряд ли представления о власти русских людей XVII в. существенно изменились со 2-й половины XVI в. Но размах и разгул Опричнины и чрезмерно усилившийся террор верховной власти в отношении своих подданных неизбежно должны были повлиять в негативную сторону на восприятие, по крайней мере частью служилого сословия как личности царя, так и верховной власти, все более ассоциируемой с Опричниной.

Показательно было взятие 22 (31) августа 1561 г. лифляндского города Тарваса [134, s. 50–51] отрядами гетмана наивысшего ВКЛ Миколая Радзивилла Рыжего [на тот момент М.Радзивилл Рыжий должность наивысшего гетмана ВКЛ совмещал с должностями старосты Лидского, Белицкого и Мозырьского, державцы Сомилицкого и воеводы Троцкого: 138, s. 386, 715; 139, s. 228, 640]. Захвату Тарваса в результате капитуляции русского гарнизона воеводы князя Тимофея Кропоткина предшествовали переписка, либо, как минимум, письма Радзивилла Рыжего ко князю Кропоткину с приглашением к переходу на службу к польскому королю Сигизмунду II Августу. Свой призыв к измене гетман мотивировал, противопоставляя образ правления «*бездушного*», «*несправедливого*» государя Ивана Грозного «безо всякого милосердия и права, а з незбожною опалою», «государю славному, справедливому, добротью его яко солнце на свете светяще» Сигизмунду Августу, и указывая измену как естественный выбор между «неволей» и «вольностью», «опалой» и «лаской», «*небожностью*» и «*справедливостью*» (выделено нами – А.М.) [17, с. 235–236].

Во время следующей, победной для русских кампании 1572 г. крымский хан Девлет-Гирей, пытаясь уже после поражения «сохранить лицо», написал в своем письме несколько странную фразу, за которой вполне могут скрываться отголоски имевших место в предыдущем году допросов ханом русских изменников, которым обязан он был ослепительным успехом своего набега: «И будет тебе та твоя рать не надобе, и нам наша рать всегда пособщик» [3, л. 158 об.; 10, с. 182; 8 (в печати)]. Это, конечно, лишь гипотеза, но объяснение русскими детьми боярскими своей измены тем, что их русскому царю они теперь «не надобе», потому, что у него ныне рать опричная, представляется не лишним основанием. Это предположение в полной мере согласуется с сообщенной хану характеристикой теми же изменниками внутреннего положения в стране, что во многом стало предпосылками успеха Девлет-Гирея: «на Москве и во всех городех московских по два года была меженина великая и мор великой, и межениною де и мором воинские люди и чернь вымерли, а иных де многих людей Государь в опале своей побил, а достальные воинские люди и татарове все в Немцах, а Государя де чают в Серпухов с опришчиною, а людей де с ним мало» [3, л. 23 об.–24; 61, с. 271; 101, с. 425; 117, с. 263]. Примечательно, что именно после трагической кампании 1571 г. Иван IV отказывается от особого опричного полка в составе армии, и начинает смешивать земских и опричных ратных людей в одном полку под командованием земского и опричного воевод.

В мае 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей, проведенный русскими изменниками-проводниками в обход русских войск, неожиданно появился перед столицей и легко поджег город. Успех Девлет-Гирея представляется уникальным особенно, учитывая, что татарам не удавалось взять и мелкие русские города, в том числе и в 1571 г.: «А пошел царь и царевичи со всеми людьми от Москвы прочь того же дни ввечеру, и идучи из земли, многих городов уезды вывоевал, а у иных городов и посады пожгли» [2, л. 400]. Послание Селима II Девлет-Гирею I, повторяющее победную реляцию (фетх-наме) хана о походе 1571 г., сообщает о якобы имевшем место победоносном сражении под Москвой, закончившимся сожжением столицы [72, с. 216–217]. Опубликовавшая документ Ш.Лемерсье-Келькеже оценила описание в этом фетх-наме крымским ханом сражения как, хотя и «наполненное эпическим вдохновением», но все же «сдержанное, краткое и точное» [72, с. 214]. Исследовательница была убеждена, что сообщаемая фетх-наме численность московских войск «подтверждается русскими источниками», что однако не соответствует действительности. О боевых столкновениях на предполях Москвы сообщает лишь Соловецкий летописец, но в диаметрально противоположном смысле: это были незначительные стычки, в результате которых

опалы, т.к. долги в Московском государстве представляли собой едва ли не единственное, чего физически не мог отобрать Самодержец у опального вельможи.

татарские войска были вытеснены за Москва-реку за Болото на луг [117, с. 266]. Все прочие многочисленные упоминания о событиях 1571 г. связаны с пожаром Москвы и разорением страны. Само отсутствие упоминаний, с одной стороны, и скупое, но действительно точное и конкретное описание результатов конных стычек в Соловецком летописце, позволяют довольно уверенно отрицать факт значительного сражения, в которое эпический стиль фетх-наме превратил кавалерийские схватки на предпольях Москвы. Цифры московских войск из фетх-наме выглядят скромными лишь в контексте нарративного литературно-эпического характера этого вида источников, в контексте реальной численности войск, которыми мог располагать боярин кн. И.Д. Бельский в 1571 г., цифры выглядят сильно завышенными²⁹. Такие скромные для фетх-наме цифры должны были бы насторожить историка, но в 1972 г., когда вышла публикация французской исследовательницы, и в советской исторической науке доминировали фантастические цифры численности московского войска в XVI–XVII вв. Таким образом, не смотря на упорно повторяемые историками сообщения о поражении русских войск под Москвой в 1571 г., никакого сколь-либо значимого сражения между московскими и татарскими войсками в этом году под стенами столицы не было (не говоря уже о «страшном поражении» [126, с. 200]).

Внешнеполитическая декларация крымского хана о своем успехе, столь буквально принятая французскими тюркологами, на наш взгляд, требует и введения в научный оборот его русского аналога, где события 1571 г. для своих христианских венценосных партнеров объяснял уже Иван IV. Например, такое объяснение содержится в январском наказе 1575 г. царскому гонцу Никону Ушакову, посланному с царской грамотой к австрийскому императору Максимилиану II Габсбургу: «А нечто спросят Никона – коим обычаем недруг государев крымское пришед к москве и посады пожег, и Никону говорити: крымской царь Государя нашего окрал – прислал ко Государю нашему царю и в к тое весны о перемирье гонцов своих, и Государь, оплошась на то, рать свою послал на непослушника своего на свейского короля, а сам Государь наш для земских исправ отъезжал по селом своим, оплошась на присылку крымского царя, и царь через свою правду пришел с турскими и с крымскими со многими людьми на московские места и посады – у москвы пожег, а на москве были люди немногие а жили житейским делом, и осады не было, что царева приходу не чаяли» [1, л. 210 об.–211]. Подчеркивая смесь реальных и вымышленных фактов в подобных фетх-наме дипломатических декларациях, должно указать и на приписанные к походу крымского хана турецкие войска, упоминания о которых во всей московской документации и иных русских источниках, так сказать внутреннего употребления, отсутствуют.

Тезис о «разгроме московских войск» [84, с. 130]³⁰ также требует отдельного уточнения. В условиях пожара столицы с одновременной блокадой ее (пусть и частичной) войсками Девлет-Гирея потери русских войск могли быть значительны не только сгоревшими и задохнувшимися, но и убитыми и пленными. Об этом косвенно свидетельствует поминальный синодик (по предположению А.В. Антонова – Благовещенского собора Московского Кремля) [4, л. 33–45; опубл.: 23, с. 174–189]³¹ по предварительной оценке – 1660-х гг., где после списка умерших и сгоревших 24 мая 1571 г. (Л. 33–35) следует список 176 чел. московских чинов и городских дворян и детей боярских под заголовком без даты: «Воеводы и дворяне и жильцы, которые в царев приход

²⁹ Проблема численности русского войска в XVI в. сравнительно недавно была поставлена в ходе дискуссии, проходившей в Интернете на базе Санкт-Петербургского университета. Рядом историков были сформулированы конструктивные позиции и подходы к решению данного вопроса [73, с. 45–78; 74, с. 133–142; 75 (в печати); 34, с. 126–128; 129, с. 120–121; 67, с. 104–119; 68, с. 142–145; с. 123–125, 94. 145–146; 104, с. 121–123; 114, с. 128–133]. Всеми указанными историками были выдвинуты рациональные подходы и высказано немало ценных наблюдений. Мы солидаризируемся с позицией О.А. Курбатова, с которым много обсуждали эту тему, и полагаем, что даже 50000 комбатантов является чрезвычайно завышенной оценкой потенциальной численности полевой московской армии на протяжении всего XVI в. Близкие к нашей позиции коллеги, допускающие указанную цифру численности, исходят в частности из того, что итоговые учетные документы Разрядного приказа по численности поместной конницы (которые как раз и попадали в разрядные книги) учитывали только служилых по отечеству, что однако не соответствует практике XVII в., которая вполне может служить здесь ретроспективным источником [83 (готовится к печати)].

³⁰ Сибирский историк даже пишет о поражениях московских войск в 1571–72 гг. (sic!)

³¹ В настоящий момент текст синодика, выверенный, прокомментированный и снабженный научно-справочным аппаратом, подготовил к печати А.В. Антонов, которому, пользуясь случаем, выражаем признательность за возможность сверить текст нашей копии с подготовленной к печати рукописью публикации и ознакомиться с комментариями источниковедческими штудиями публикатора.

побиты» (Л. 35–45). Структурно поминальный список открывается перечнем воевод, дворян московских и жильцов (6 чел.), и выборных дворян (4 чел.), за которыми следуют дворяне и дети боярские 16-ти городских корпораций: Кашира (31 чел.), Коломна (1 чел.), Рязань («старые помещики» – 9 чел.), Солова и Плова (12 чел.), Серпейск (10 чел.), Мещовск (13 чел.), Псков (5 чел.), Нижний Новгород (42 чел.), Муром (5 чел.), Шелонская пятина Новгорода Великого (4 чел.), Смоленск (19 чел.), Боровск (1 чел.), Тула (5 чел.), Торопец (6 чел.), Воротынский (1 чел.), Таруса (2 чел.). Данный список «которые в царев приход побиты» представляет собой внесенный в синодик поминальник павших в боях либо в 1571 г., либо за период двух кампаний – 1571 и 1572 гг. В пользу второго варианта свидетельствует отсутствие в этом пространном синодике отдельного списка или упоминания о павших в боях с Девлет-Гиреем в 7080 (1571/72) г., а также функциональное свойство синодика, в котором контаминация двух следующих друг за другом кампаний в единый список побитых в Девлет-Гиреево нашествие никак не могла повлиять на качество самого поминания их душ ни в глазах правительства и церкви, ни в глазах родственников погибших, и не представляла собой ошибки для составителей синодика. Уточнение этого вопроса требует отдельного специального исследования. Пока же мы можем лишь исключить вариант идентификации списка побитых в царев приход в качестве списка павших в кампанию 1572 г. дело в том, что открывающие список кн. Иван Козлина Иванов сын Тростенский и кн. Федор Петров сын Деев являлись сходными воеводами именно в 7079 (1570/71) г., и позже этого их упоминания в разрядных записях нам найти не удалось [19, с. 238–239; 22, с. 69–70; 21, с. 186]³². Кроме того третий в списке побитых московский дворянин кн. Афанасий Андреевич Нагаев поминался в Троице-Сергиевом монастыре согласно вкладу его жены (вдовы) Евфимии (в дальнейшем – иноки) 7079 (1570/71) г. [12, с. 169, 374 (№ 281)]. Возглавивший список убитых каширян кн. Григорий Мороз Яковлев сын Мещерский поминался в том же монастыре согласно вкладу его племянника Владимира Григорьева сына Мещерского от 16 июля 1571 г. [12, с. 137, 289 (№ 896–897)]. Таким образом, сам факт боевых столкновений в 1571 г. налицо: ранен главный воевода князь Бельский, убиты (или умерли от ран) сходный воевода Большого полка и сходный воевода Сторожевого полка. Однако, главным фактором успеха крымцев и ногаев стал пожар Москвы, а не военное поражение русских войск, однозначных свидетельств которого на сегодня у историков нет, что подтверждает и приведенная запись из посольской книги.

Трагедию страшного пожара Москвы и гибели людей от огня и татарского разорения сохранила и историческая память русских книжников XVII в. и первого русского историографа Андрея Лызлова: «и посады около града пожже, и кровопролитие велие содела» [15, с. 146]. О том же соболезновал Ивану IV и император Максимилиан II Габсбург, предлагавший Москве после кампаний 1571–1572 гг. военный союз: «на татарских государей стояти содного и оберегать своего государства». Соболезнования передал в Новгороде устно тайный полномочный посланник императора Магнус Паули (Павлус) в июле 1573 г.: «цысарю кручина то, что татарские государи были у Москвы и попалили много крестьян» [1, л. 32–32 об.]. О сожжении Москвы и опустошении страны в 1571 г. писал позже в своей «Истории великого князя Московского» и оппонент Ивана Грозного беглый аристократ кн. А.М. Курбский, который не упустил бы случая попрекнуть царя военным поражением: «егда по сожжению великаго и славного места Московского многонароднаго от перекопского царя и по спустошению умиленном и жалосном ко слышанию Руские земли от безбожных варваров» [14, с. 189–190]. Так, что же произошло, когда татарские рати грозно притекли к столице?

Замечательный историк Москвы И.Е. Забелин признавал беспорядочность московской застройки в XVI в., однако сильно заблуждался, полагая, что Москву уже в середине столетия защищали укрепления Белого и Земляного города [55, с. 298 и др.]. Москва по 1571 г. имела разбросанную и беспорядочную застройку, не обнесенную никакими правильными укреплениями. П.В. Сытин приводит свидетельства иностранных дипломатов, которые до пожара 1571 г. описывают Москву с застройкой разбросанной и беспорядочной, не обнесенной каменной, либо даже никакой стеной. Первые описания кольцевой структуры города датируются не ранее 1580-х гг. [105, с. 61–63]. Сравнительно недавно в 1535–1538 гг. дерево-земляные укрепления Великого Посада каменные стены и башни с выкопанным перед ними рвом и расчищенной простреливаемой площадкой. Вторая после Кремля каменная крепость получила новое имя Китай-города [92, с. 43]. Уже после

³² Кн. Тростенский с Данкова должен был идти «в сход» в Сторожевой полк боярина кн. И.А. Шуйского, а кн. Деев – в Большой полк боярина кн. Ивана Дмитриевича Бельского.

1571 г. был вырыт ров по периметру будущего Белого города, над которым в 1586–1593 гг. построили каменные выбеленные стены и башни, давшие название этой части Москвы, и в то же время в 1591 г. возвели укрепления Земляного города, получившие свое имя также по соответствующим фортификационным сооружениям [92, с. 47]. До Девлет-Гиреева сожжения даже при наличии застав и ворот на дорогах, чтобы проникнуть в город, не требовалось штурмовать какие-либо укрепления за их отсутствием. Так, собственно и была сожжена Москва в 1571 г.: «И того ж лета мая (в) 24 день в четверг в Вознесениев день приходил крымской Девлет-Гирей царь ... к Москве. И пришед к посаду, **полки посад Московской зажег, и от посадов оба города выгорели** (выделено – А.М.), и люди многие в городех погорели» [2, л. 400]. Аналогичные описания сохранили и разрядные книги [117, с. 266]. Записи очень конкретно упоминают 2 «города» (т.е. крепости), существовавшие к тому времени в Москве – Кремль и Китай-город, пожар на которые перекинулся с посада, еще не разделенного кольцами укреплений на Белый и Земляной города. Именно его без каких-либо сражений или штурмов и зажгли татары. Русские войска, только перед появлением татар подошедшие к Москве и по большей части вошедшие в город, вытеснили татар за Москва-реку за болото на луг. Однако это не смогло помешать поджогу столицы. Даже при условии, что главнокомандующий был ранен в стычке на предполях Москвы накануне пожара, а два сходных воеводы погибли, для внутривосточной ситуации в Московском государстве не нужно было обладать болезненной подозрительностью Ивана Васильевича, чтобы предположить наличие какого-либо заговора.

Необычная погода с сухой грозой, способствовавшая пожару, всего за 3 часа превратившему в обугленные головешки и пепел столицу России, и московскими людьми и их царем могла быть воспринята исключительно как гнев Божий. Ошеломительный успех вскружил Девлет-Гирею голову, но еще больше – его окружению, которое стало именовать хана покорителем столиц. После крымского нашествия 1571 г. хан попытался использовать эффект свежести впечатлений от погрома, чтобы склонить Ивана IV к отдаче ему уже не только Астрахани, но и Казани. Московский же самодержец, демонстрируя готовность к частичным уступкам требованиям хана, принял тактику проволочек. Когда последнее было осознано ханом, его новая экспедиция на Москву (по крайней мере к весне 1572 г.) стала неизбежна [44, с. 194–218; 8]. Успех Девлет-Гирея 1571 г. привел под его знамена многочисленную конницу Большой Ногайской Орды, правителей которой крымский хан соблазнял новым завоеванием Руси. Ни до, ни после 1572 г. хану не удалось собрать под свои знамена большего количества воинов.

Итак, к концу 1571 г. Россия оказалась в непростой военно-политической ситуации: угроза нового давно не бывалого татарского вторжения при только что сожженной столице, продолжающаяся война со Швецией и военно-политические неудачи в Ливонии, готовое восстать по первому поводу недавно присоединенное Поволжье. Только продолжающееся перемирие с Речью Посполитой давало Ивану IV надежду на успешный выход из трудного положения. Летом присоединенные к Москве земли укрепили «городами»: Литовскую землю – острогом на оз. Нещедре (город ставили боярин Никита Романович Юрьев и Федор Васильевич Шереметев), Казанскую – острогом на Тетюшах, построенным воеводами кн. Федором Ивановичем Троекуровым и кн. Борисом Ивановичем Мезецким, оставленным в нем на воеводстве [19, с. 239; 22, с. 72; 21, с. 185]. В октябре Иван Васильевич играет свою очередную свадьбу, «поняв» на этот раз дочь боярина Василия Степановича Собакина Марфу. Свадьба была призвана продемонстрировать в этой непростой обстановке подданным и соседям, противникам и партнерам спокойствие, уверенность и крепость воли самодержца. В том же месяце был составлен боярский приговор о пожаре полей по всей степной Украине Московского государства в октябре – ноябре «по заморозом, как гораздо на поле трава посохнет, а снегов не дожидаясь, а дождавсь ведренные и сухие поры, чтоб ветр был от государевых украинных городов на польскую сторону» [5, с. 15–17. № 13]. Еще ранее Иван Грозный присматривался к Новгороду Великому, как к возможной еще одной царской резиденции после досягаемой для татар Александровой слободы и близкой к пристани Михаила Архангела Вологды. Уже опричный погром Новгорода можно рассматривать отчасти как «очищение от крамолы» места будущей царской резиденции, когда впервые царь символично устроил себе резиденцию на Рюриковом городище напротив Юрьева монастыря, а вскоре и в самом городе [122, с. 115–116]. Во второй половине 1571 г. из сожженной Москвы и из Слободы царь вывез государственную казну, свою семью и Двор в Новгород [122, с. 117–119], который до 1573 г. по сути выполнял функции столицы, недосыгаемой для конницы крымского хана.

1 декабря 1571 г. царь Иван послал кн. Василия Васильевича Тюфякина и кн. Григория Федоровича Мещерского в Казань собирать со всех земель Казанского царства служилых казанских князей, мурз и татар, а также черемису и мордву [19, с. 239; 22, с. 81; 21, с. 193; 20, с. 291]. Князья Тюфякин и Мещерский должны были привести собранное войско к царю в Новгород под предлогом войны со Швецией [61, с. 279]. В Государев Шведский поход были призваны также служилые татары Саин-Булата и других царевичей, а также во главе с Иль-мурзой и Бай-мурзой какие-то ногайские мурзы с татарами [19, с. 242–244; 22, с. 69, 77–78; 21, с. 191–192]. Тем самым Иван IV сразу «убивал нескольких зайцев». Царь по максимуму мобилизовывал на отдаленный театр Шведской войны всех, кто потенциально мог изменить, прельстившись посулами крымского хана или его удачей 1571-го года, и перейти на сторону ханского войска (в 1571 г. среди изменников были о новокрещены), либо поднять восстание в Поволжье. Вероятно, попытался царь оттянуть и какую-то часть ногайской конницы Большой Орды – и, судя по всему, не безуспешно. Кроме того, перебрасывая в целом не очень большие силы, но зато на большие расстояния, через всю страну, царь создавал иллюзию присутствия в Новгороде большой армии. Слух этот несомненно должен был широко распространиться среди московских людей, и достигнуть соседей. В конечном счете, именно этот слух, дополненный грамотной дезинформацией, и привел к панике в рядах ханской армии, превратившей отход в паническое бегство с дополнительными большими потерями.

Пока же параллельно с подготовкой Шведской кампании Иван Васильевич уже 22 декабря отправил воевод кн. П. Волконского и Е. Ржевского делать засеку в Перемышль³³, конфискованный в 1562 г. по случаю опалы у князей М.И. и А.И. Воротынских в казну [7, с. 93–98], и находившийся в центре верхнеоцкого отрезка южной оборонительной линии [78, с. 295–296].

24 декабря Иван IV с большей частью опричного и земского дворов и с войском, включая ливонского короля Магнуса, а также служилых и ногайских татар, вновь прибыл в Новгород. Здесь войско было заново расписано на Большой, Передовой и Сторожевой полки и уже на следующий день, имея своей базой Орешек, ворвалось в шведские владения. Бросив конницу на данную операцию устрашения, призванную продемонстрировать шведам решимость царя в продолжении войны, Иван Васильевич принял, наконец, ставшего заложником шведского посла абосского епископа Павла Юстена. Вернувшиеся из набега войска были размещены в Новгородской земле и в Ливонии. Вероятно, с конца декабря переговоры со шведским посольством шли тяжело, для чего в феврале понадобилась еще одна демонстрация воинственности и решительности царя Ивана [19, с. 242; 22, с. 78], теперь уже во главе с царем Саинбулатом (Семионом) Бекбулатовичем [О Симеоне Бекбулатовиче см.: 35]. Весной Иван IV вновь собрал в Новгород войска для похода на шведов.

В начале 1572 г. правительство Ивана IV, очевидно в Новгороде, расписало войско, которое должно встретить Девлет-Гирея в конце весны – летом того же года на берегах Оки [10, с. 174–178]. Главнокомандующим царь назначил боярина кн. Михаила Ивановича Воротынского, тогда же, вероятно в Новгороде, ему был подготовлен наказ [10, с. 169–174]. Весной берега Оки в местах переправ оборудовали в фортификационном плане. В.И. Буганов, сопоставив разрядные записи о прорыве, что татары «плетени исподкопали» и «плетени ис подкопов выняли» с соответствующим местом в переводе письма Девлет-Гирея Ивану Грозному: «кто есть для нас делал на берегу двор и ров, и столько маялися» – посчитал, что на берегу реки был сделан ров, прикрытый плетнями и замаскированный на манер волчьих ям-ловушек [10, с. 168. сноска 4 (Предисловие)]. Однако такой фортификационный прием борьбы с кочевниками ни ранее, ни позднее в источниках не описывается и не упоминается. Сухим фактом всех трех процитированных источников является свидетельство о масштабных земляных работах с целью недопущения или затруднения преодоления татарской конницей реки Оки с использованием плетней из имевшегося подручного материала. Достаточно уверенно можно предполагать, что речь идет о возможном в местах традиционных и возможных переправ углублении в ряде случаев русла реки, а также об укреплении пологих берегов Оки в виде эскарпов и контрэскарпов, закрепленных плетнями от осыпания и подмывания берегов, а также затруднявших «разметывание» земляных фортификаций.

³³ Удельный княжеский город-крепость в Заозком крае в Козельском княжестве на левом берегу р. Оки (совр. Калужская обл.); на протяжении XV в. не раз переходивший из рук в руки П. в результате упорной борьбы между Великими княжествами Литовским и Московским к концу века оказался под властью Москвы; в XVI в. П. – земляной с деревянной крепостью город был в уделе, а потом – в вотчине у кн. Воротынских; во второй половине XVI в. вошел в систему Тульской оборонительной линии [78, с. 169, 180, 254; 106, с. 376; 121, с. 38–40, 44, 47–48; 98, с. 177, 179, 188, 194, 196, 212–213, 217–218; 47, с. 73, 74, 81].

Описание самого похода Девлет-Гирея 1572 г. и сражения при Молодях не входит в задачи настоящей работы. Поэтому мы лишь отметим несколько проблем и расхожих заблуждений, связанных с Молодинским сражением. Так, никакие документы не дают оснований предполагать столь распространенное в исторической литературе заблуждение об участии в походе турок, в частности, янычар. Мы не можем исключать участия в походе небольшого отряда янычар, находящихся в распоряжении крымского хана в Крыму, но если таковой факт и имел место, отряд этот вряд ли принял участие в сражении, а если бы и принял, вряд ли бы мог всерьез повлиять на его ход или итог в силу хотя бы своей малочисленности. Однако, если бы это имело место, русские источники не упустили бы случая отметить янычар в составе армии Девлет-Гирея и в числе побежденных врагов. Не следует забывать, что после первого масштабного поражения османского флота в битве при Лепанто (1571) Оттоманская империя собирала все свои силы в кулак, дабы не позволить христианам закрепить и развить их успех, и о какой-либо помощи Крыму или совместных операциях не могло быть и речи.

Неразгаданной остается проблема пушек, из которых Девлет-Гирей приказал стрелять через Оку по русским войскам, но после переправы пушки более не упоминаются и не участвуют в сражении даже тогда, когда они были более всего необходимы хану – при штурме русского гуляй-города.

Типологически победа при Молодях вызывает наиболее прямые параллели с победами Османов при Мардж-Дабик (1516) над военной машиной мамлюков [137, р. 617–626; 62, с. 37–42; 131, р. 33; 125, с. 25; 57, с. 153–154] и в Чалдыранской долине (1514) над кизилбашской конницей персидского шаха [137, р. 611–616; 62, с. 25–26; 131, р. 32–33; 125, с. 24]. Тактика впервые выработанная гуситами в борьбе с рыцарской конницей [53, с. 304–316; 135, с. 25–54], успешно перенятая турками-османами, по крайней мере с битвы под Никоподем (1396) против европейских рыцарей и венгерской конницы [53, с. 297–303; 131, р. 16] была впервые масштабно применена московскими полководцами против татар. В тактическом плане следует подчеркнуть значение Молодинской битвы, как первого сражения, где татарская конница, как ранее мамлюкская и кизилбашская, столкнулась с массивным применением огнестрельного оружия значительными пехотными массами, за передвижными укрытиями оказавшимися недосыгаемыми для легких всадников. Привыкшая наносить серьезный урон противнику ливнем своих стрел и, благодаря своей легкости и качеству своих коней, безнаказанно уходить из-под контр-удара татарская конница была поставлена в непривычные для себя условия боя. Роли поменялись: теперь уже русская пехота и артиллерия и немецкая служилая и наемная конница могли безнаказанно расстреливать атакующую татарскую конницу до некоторой степени независимо от численности последней.

Конечно, исход главного боя при Молодях решил обходной маневр и удар в тыл татарского войска Большого полка, а превратившийся в бегство отход во многом явился следствием искусной дезинформации противника. Однако, такие приемы употреблялись на Руси и у ее соседей и раньше, а основой, позволившей столь успешно реализовать эти приемы на практике стала стойкость и неуязвимость новой составляющей московского войска – огнестрельной пехоты, сражающейся под прикрытием передвижных укреплений. Таким образом, Молодинская битва стала первым столкновением татарской конницы в большом полевым бою с многочисленной московской пехотой, вооруженной «огненным боем», но одновременно и последним масштабным сражением татарской конницы, когда она шла на «суимный» бой³⁴.

До сих пор не оценено значение победной кампании 1572 г. в представлении кандидатуры Ивана Грозного на польский престол и в завязавшихся вскоре в 1573 г. союзных переговорах со Священной Римской империей, включая вопрос о признании за московским самодержцем царского титула. То важное место, которое имперская дипломатия отводила Московскому царству в системе международных отношений, в частности в период польского бескорольевья (1572–1576), было напрямую связано с успехами московских войск, с одной стороны в Литве, с другой – на востоке и юге, в борьбе с татарами. Глубоко символично, что именно после Молодинской битвы возобновились русско-австрийские дипломатические отношения на совершенно новом уровне, начиная с приезда в Россию тайного имперского посланника Магнуса Паули (Павлуса) в 1573 г.

³⁴ Постепенный отказ татар от «суимного боя» как неэффективного в набегах и походах против европейских противников с немногочисленной и маломаневренной, но ориентированной на контактный бой конницей позже отозвался тяжелыми потерями татар во время персидских походов Османов и в поражении ногайской и крымской конницы от калмыков в XVII в.

[1, л. 20 об.–48 об.] Имперская дипломатия подробно, хотя и несколько тенденциозно информировала русского царя о европейском политическом «пасьянсе», делая весьма соблазнительные предложения политического и военного союза. Союз этот должен был быть направлен, с одной стороны против Турции и ее вассалов: «И цысарь со всем цысарским чином приговорили со Государем московским мир вечной постановить – на татарских государей стояти содного и оберегать своего государства... а цысарь того хочет, чтоб все государи крестьянские были во едином совете и стояли казною и людьми на супротивных бусурманских государей» [1, л. 32–32 об.]. С другой стороны, указывался и второй противник – французский король – как главный союзник султана, по договору с которым на польский престол была выдвинута совместная кандидатура брата французского короля принца Генриха Валуа: «А се ныне король Францовской брата своего отпускает на королевство Полское и на Великое княжество Литовское, а посылки Турского салтана, – и то цысарю кручина ж. И цысарь со всею областью Цысарскою приговорил и сторожи и заставы уставил, чтоб Францовской не проехал на Коруну Полскую и на Великое княжество Литовское – то его кручина ж для всего крестьянства, коли Француской с Турским салтаном будет в дружбе, а брат его будет король Полской и князь Великий Литовской, – и крестьянским государем будет тяжко» [1, л. 31 об.–32]. Имперская дипломатия всячески подчеркивала негативные последствия для России привлечения Речи Посполитой к франко-турецкому союзу: «А целовал деи французской королевич Коруне Полской и Великому княжеству Литовскому на том: которые города литовские и ливонские были изстари к Коруне Полской и к Великому княжеству Литовскому, а ныне отошли куды-нибуды, и королю, пришед на Литовское государство, тех всех панств доступати по-старому учинити, а наем давати свой, а давати францовскому по дватцети бочек золотых на наем на всякой год. И потому его мимо всех государей и взяли ляхи и литовские люди себе на государство. А не доступит всех городов король Францовской, что от Полские и от Литовские земли отошло, и его правда – не в правду, и государство – не в государство» [1, л. 36–36 об.].

Если антиосманские и в целом антимусульманские союзные отношения предлагались Москве имперцами и ранее, то при подготовке этого вояжа имперской дипломатией впервые была сформулирована идея раздела недавно образовавшейся Речи Посполитой между Империей и Московским царством, а также выражено понимание и сочувствие ливонской политике Ивана Грозного³⁵: «А прирадил цысарь, чтоб то Государство поделити: Коруну б Полскую – к цысарю, а Литовское Великое княжество – к Московскому государству, и стояти б им содново против Турецкого и против всех татарских государей» [1, л. 34].

Эхо Молодинской победы звучит и в уверенных политических декларациях московской дипломатии в дипломатических сношениях с европейскими государями, в первую очередь, с возглавлявшими антитурецкий блок Габсбургами (1575 г.): «А Астороханское государство было великое изначала Болшие орды государство начальное; а как Государю нашему... Бог поручил – Казанское царство взял, и Государь наш... послал рать великую Волгою к Асторохани, чтоб очистити Волга и до Хвалимского моря, а то царство Астороханское стоит блиско устья морскаго; и Государя нашего воеводы Астороханское царство взяли и царя свели; и устроил Государь наш... в Асторохани по тому ж благочестие: многие церкви поставил и соборы и весь причет церковный устроил... Ногайская орда – князь Тинехмат и мирзы всее орды кочюют у Государя нашего... по Волге к возле моря и по Яику; а Государю нашему служат: куды Государь ни пошлет на своем дело, и они ходят тысяч до дватцети, и до тритцати, и о колких Государь наш прикажет к ним – сколько послати велит ногайских людей, – и князь Тинехмат и мирзы нагайские столко люди и пришлют» [1. Л. 214 об.–215 об.].

Молодинская победа закрепила за Московским государством Поволжье, упрочила международное положение и авторитет страны не только у восточных и южных соседей России, но и на Западе, опосредованно корректировала негативный образ страны, старательно создававшийся дипломатиями Ливонского Ордена, Речи Посполитой и Швеции, либо даже способствовала его переосмыслению.

Список источников и литературы

1. РГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. Кн. 2.
2. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 13.

³⁵ Впервые, хотя и мимоходом, это было отмечено Я.С. Лурье [77, с. 309].

3. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 14.
4. ОР РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги. № 4903 / F IV. Л. 33–45.
5. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук под редакциею Н.А. Попова, член-корреспондента Академии. Том. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1574–1634. СПб., 1894.
6. Афанасий Никитин. Хождение за три моря. Л., 1950.
7. Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII вв. // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 93–98.
8. Виноградов А.В., Малов А.В. Материалы о походе Девлет Гирея на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М., 2009 (в печати).
9. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / Издание подг. Е.Б. Французовой. М., 2002.
10. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. / Подгот. к публ., коммент. – В.И. Буганов // Исторический архив. М., 1959. № 4. С. 166–183.
11. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А. Мустакимов; под. общ. ред. Д.И. Ибрагимова. Казань, 2008.
12. Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008.
13. Курбский А.М., кн. Епистолия первая Андрея Курбского, писана к великому князю московскому прелютаго ради гонения его // Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского. Т. II: Исследование книжной культуры. М., 2009.
14. Курбский А.М., кн. История о князя великого московского делех: еже слышахом у достоверных мужей, и еже видехом очима нашими, сие сокращенне вмещаючи яко возмогах написах, великого ради докучания от многих // Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского. Т. II: Исследование книжной культуры. М., 2009.
15. Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1990.
16. Описания городов европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг / Сост. – Т.Б. Соловьева, Л.А. Тимошина. М., 2005. С. 220.
17. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством. Т. III. 1560–1571 гг. / Под ред. Г.Ф. Карпова. / Сборник РИО. Т. 71. СПб., 1892. № 12: 1563, ноября 18 – 1564, января 9. Посольство от короля Сигизмунда-Августа к царю Ивану Васильевичу с панами Юрием Александровичем Хоткевичем, Григорием Воловичем и писарем Михаилом Халабурдой для переговоров о мире.
18. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. II. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг. / Сост. Б.Н. Морозов. М. – Варшава, 1997.
19. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, введн. ст. и ред. В.И. Буганова, отв. ред – М.Н. Тихомиров. М., 1966.
20. Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н.Г. Савич, под ред. В.И. Буганова. Т. II. Ч. I. М., 1982.
21. Разрядная книга 1550–1636 гг. / Сост. – Л.Ф. Кузьмина, отв. ред. – В.И. Буганов. М., 1975.
22. Разрядная книга 1559–1605 гг. / Сост. – Л.Ф. Кузьмина, отв. ред. – В.И. Буганов. М., 1974.
23. Синодик по убиенных во брани // Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России XVI: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 174–189.
24. Статейный список И.П. Новосильцева (Турция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / Подгот. – Я.С. Лурье и Р.Б. Мюллер; коммент. – Я.С. Лурье, В.И. Райцес, Л.С. Шепелева; статьи – Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье и Р.Б. Мюллер. СПб., 2008.
25. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т. 7. СПб., 1999.
26. Юстен Павел. Посольство в Московию 1569–1572 гг. / Пер. с финск. Л.Э. Николаева; сост. Г.М. Коваленко; вст. ст., коммент. С.Н. Богатырева и Г.М. Коваленко. СПб., 2000.
27. Алексеев Ю.Г. «И многих татар топили...»: Судовые рати Ивана III // Родина. 2003. № 12. С. 44–47.
28. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.
29. Альтамир-и-Кревеа Рафаль. История Испании. М., 1951. Т. II. (XVI–XVII вв.).
30. Бабулин И.Б. Осада Ревеля 1570–1571: гофлейты и опричники (рукопись).
31. Багалеи Д.И. Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.
32. Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII вв. // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992.
33. Беляев И.Д. О станичной, сторожевой и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1846. Кн. 4. Отд. I. С. 36–41.
34. Беляков А.В. Форум: «... и бе их столько, еже несть числа» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 126–128.
35. Беляков А.В. Симеон Бекбулатович // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М., 2010 (в печати).
36. Беннигсен А. Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. по материалам «Реестров важных дел» Османского архива архива // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских

исследователей: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдииков; науч. ред. И.В. Зайцев, Д.А. Мустафина; введ. ст. В.В. Трепавлов. Казань, 2009.

37. Беннигсен А., Лемерсье-Кельеже Ш. Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому созеренитету по неопубликованному документу из Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдииков; науч. ред. И.В. Зайцев, Д.А. Мустафина; введ. ст. В.В. Трепавлов. Казань, 2009.

38. Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962.

39. Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года // Учен. зап. Института славяноведения. 1963. Т. 26. С. 48–79.

40. Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. Ч. 1. Л., 1958.

41. Богатырев С.Н. Павел Юстен: протестантский епископы и королевский дипломат // Юстен Павел. Посольство в Московию 1569–1572 гг. С. 33–65.

42. Вайнштейн Ж. Послание Селима II польскому королю Сигизмунду-Августу об астраханской кампании 1569 г. архива // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдииков; науч. ред. И.В. Зайцев, Д.А. Мустафина; введ. ст. В.В. Трепавлов. Казань, 2009.

43. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

44. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. Ч. II.

45. Водарский Я.Е. Основание Зарайска // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды / Сб. статей. М., 2002.

46. Водовозов Н. Предисловие // Афанасий Никитин. Хождение за три моря. Л., 1950.

47. Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. Мінск, 2009.

48. Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев – Бахчисарай, 2007.

49. Гамаюнов А.И. Размышления над романом Н.И. Костомарова «Кужеяр» // Белёвские чтения. Вып. 1. Посвящается памяти протоирея Михаила Федоровича Бурцева. М., 2001. С. 40–46. (41–44).

50. Гёкбилыгин Т. Османский поход на Астрахань в 1569 г. // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдииков; науч. ред. И.В. Зайцев, Д.А. Мустафина; введ. ст. В.В. Трепавлов. Казань, 2009.

51. Граля И. Дьяк Иван Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

52. Гусейнов Г.-Р. А.-К. О западных пределах Кумыкского государства XVI–XVII вв. в зеркале фольклора и исторических источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 1. Казань, 2009.

53. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. Средние века. М., 1997.

54. Дмитриев С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003.

55. Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1995.

56. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.

57. Зеленев Е.И. Мусульманский Египет. СПб., 2007.

58. Зенченко М.Ю. Южное Российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М., 2008.

59. Зимин А.А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. 9. М.-Л., 1953.

60. Зимин А.А. Состав русских городов в XVI в. // Исторические записки. 1955. Т. 52.

61. Зимин А.А. Опричнина. М., 2001.

62. Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 2001.

63. Иванов Н.А., Орешкова С.Ф. Османская империя в XVI–XVII вв. // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира / сост. Н.М. Горбунова. М., 2008.

64. Каррер д`Анкос Э. Торговые пути Центральной Азии и попытки отвоевания Астрахани архива // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдииков; науч. ред. И.В. Зайцев, Д.А. Мустафина; введ. ст. В.В. Трепавлов. Казань, 2009.

65. Коваленко Г.М. Посольство П.Юстена в контексте спора о «посольском обычае» // Там же. С. 66–89.

66. [Кумыков Т.Х., Кушева Е.Н.] Присоединение Кабарды к России и его историческое значение // История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. Гл. IV.

67. Курбатов О.А. Отклик на статью А.Н. Лобина // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 104–119;

68. Курбатов О.А. Форум: «... и бе их столько, еже несть числа» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 142–145

69. Кучкин В.А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. Сб. статей. М., 2002.

70. [Кушева Е.Н.] Кабарда после присоединения в России (вторая половина XVI – XVII в.) // История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. Гл. V.

71. Лаврентьев А.В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005.

72. Лемерсье-Келькеже Ш. Походы Девлет-Гирея против Москвы в 1571 и 1572 году по документам Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдииков; науч. ред. И.В. Зайцев, Д.А. Мустафина; введ. ст. В.В. Трепавлов. Казань, 2009.

73. Лобин А.Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 45–78.

74. Лобин А.Н. Форум: «... и бе их столько, еже несть числа»: сколько воинов воевало в Русской армии в XVI в.? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 133–142.

75. Лобин А.Н. Дискуссия о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Единогорь: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*. Вып. 2. М., 2009. (в печати).

76. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

77. [Лурье Я.С.] Статейный список Константина Скобельцына (1573–1574 гг.) / Подгот. – Я.С. Лурье, коммент. – Н.А. Казакова // АЕ за 1979 г. М., 1981. (Предисловие).

78. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. Вст. ст. А.Я. Дегтярева, Ю.Ф. Иванова, Д.В. Карева. М., 1996.

79. Макаров Л.Д. Военное дело вятчан в XII–XV вв. // *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г.* СПб. 1998. С. 216–219.

80. [Малиновский А.] Реестр шертным грамотам Крымских ханов, записям послов их и другим постановлениям с крымскими татарами бывшими // *Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел.* / Сост. – Ф. Лашков. Симферополь, 1891.

81. Малов А.В. Закат ушкуйничества в XV веке и судьба его наследия. // *Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и историкоисследования. Тез. докл. и сообщ. 2-х чтений, посвященных памяти А.А. Зимина.* Москва. 26–28 января 1995 г. М., 1995. С. 328–330.

82. Малов А.В. Господина Великого Новгорода ушкуйники в отечественной историографии // *Постигая историю России: К 50-летию научного студенческого кружка отечественной истории средневековья и нового времени: Сб. ст. М., 1997. С. 91–102.*

83. Малов А.В. Разбор служилых городов Потапом Внуковым в Торопце и на Великих Луках в 139-м (1630/31) г. (готовится к печати)

84. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008.

85. Маслюженко Д.Н. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века // *Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 1. Казань, 2009.*

86. Назаров В.Д. Российско-ногайская торговля (первая половина XVI в.) // *Восток. М., 1998. № 1. С. 48–64.*

87. Настенко И.А., Яшнева Ю.В. История Мальтийского ордена: Кн. I. Из глубины веков: Госпитальеры в Святой Земле, на Кипре, Родосе и Мальте. XI–XVIII вв. М., 2005.

88. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948.

89. [Новосельцев А.П.] Государство Сефевидов в XVI–XVII вв. // *История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М., 2000. Гл. 5.*

90. Описания городов европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг / Сост. – Т.Б. Соловьева, Л.А. Тимошина. М., 2005.

91. [Орешкова С.Ф.] Османская империя в первой половине XVII в.: социально-экономическое положение, внутренняя и внешняя политика // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. I.* / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1998.

92. Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, Центральные площади / Ю.И. Аренкова, М.И. Домшляк, В.Я. Либсон, Г.И. Мехова, П.Б. Розентуллер, Е.В. Трубецкая. М., 1982.

93. Пахомов И.В. Пищальники Василия III. // *Цейхгауз. Вып. 20. 2002. № 4.*

94. Петров К.В. Форум: «... и бе их столько, еже несть числа». // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 123–125, 145–146.

95. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990.

96. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008.

97. Рашба Н.С. Очерк истории польско-турецких отношений в XVI – первой четверти XVII в. // *Османская империя в первой четверти XVII века. Сборник документов и материалов / Сост. Х.М. Ибрагимбеили, Н.С. Рашба. М., 1984.*

98. Рябов С.Я. Здесь государевым «украинам было бережение». Российское пограничье – особый объект культурного и природного наследия. М., 2007.

99. Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // *Исторические записки. М., 1947. Кн. 22.*

100. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Ростов н/Д., 2009.

101. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

102. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. Т. 1. СПб., 1887.
103. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., Т. 1. 1945.
104. Смирнов Н.В. Форум: «... и бе их столько, еже несть числа». // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 121–123.
105. Сыгин П.В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Т. I. 1147–1762. М., 1950.
106. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
107. Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // *Вестник Евразии*. М., 1998. № 1/2.
108. Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: Ногайская торговля в XVI–XVII веках. // *Отечественная история*. 2000. № 3. С. 165–174.
109. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
110. Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. Казань, 2007.
111. Файзрахманов Г.Л. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Сб. ст. Вып. 1. Казань, 2009.
112. Филюшкин А.И. Андрей Курбский. М., 2008.
113. Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // *Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв.: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.И. Филюшкин*. М., 2010.
114. Филюшкин А.И. Форум: «... и бе их столько, еже несть числа» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 128–133.
115. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI в. – начале XVII в. М., 1978.
116. Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // *Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVI вв.* М., 1979.
117. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2002.
118. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003.
119. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки: социально-экономическая и политическая история Руси. М., 1960.
120. Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нидерланды с древнейших времен до конца XVI века. М., 2004.
121. Шеков А.В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории XIII – середины XVI вв.). Тула, 1993.
122. Шереметев П., гр., Дворы Грозного в Новгороде. Историческая справка // *Известия Русского генеалогического общества*. Выпуск четвертый. СПб., 1911.
123. Шиллер Ф. Истории Тридцатилетней войны // Шиллер Ф. *Собрание сочинений / пер. А.Г. Горнфельда*. Т. IV. СПб., 1902.
124. [Шушарин В.П.] Габсбурги, Венгрия, Трансильванское княжество и Османская империя в XVI в. // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений*. М., 1984. Гл. 11.
125. Эмеджен Ф. От создания Османского государства до Кючук-Кайнарджийского договора // *История Османского государства, общества и цивилизации / под ред. Э. Исханоглу; пер. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера*. Т. 1: *История Османского государства и общества*. М., 2006.
126. Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009.
127. Bielski M. Władysław Warneńczyk na Bałkanacz (1443–1444): Dwie wyprawy. Toruń, 2009.
128. Cynarski St. Zygmunt August. Wrocław–Warszawa–Kraków, 2004.
129. Davies V. Форум: «... и бе их столько, еже несть числа» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 120–121.
130. Dziubiński A. Stosunki dyplomatyczne polsko-tureckie w latach 1500–1572 w kontekście międzynarodowym. Wrocław, 2005.
131. Inalcik H. *The Ottoman Empire: The Classical Age 1300–1600*. L., 2000.
132. Leśniewski S. Jan Zamoyski. Hetman i polityk. Warszawa, 2008.
133. Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy: Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002.
134. [Lulewicz H.] Mikołaj Radziwiłł «Rudy» // *Poczet hetmanów Rzeczypospolitej. Hetmani litewscy / pod red. M. Nagielskiego*. Warszawa, 2006.
135. Marszak P. *Wojny husyckie*. Warszawa, 2002.
136. Murphey Rh. *Ottoman warfare, 1500–1700*. L., 1999.
137. Oman Ch. *A history of the art of war in the sixteenth century*. Cambridge, 1987 (reprint 1937).
138. *Urzednicy Wielkiego księstwa Litewskiego. Spisy. Tom I. Województwo Wileńskie XIV–XVIII wiek.* / H. Lulewicz, A. Rachuba, Prz. P. Romaniuk. Pod. red. A. Rachuby. Warszawa, 2004.
139. *Urzednicy Wielkiego księstwa Litewskiego. Spisy. Tom II. Województwo Trockie XIV–XVIII wiek.* / H. Lulewicz, A. Rachuba, Prz. P. Romaniuk, A. Haratym. Pod. red. A. Rachuby. Warszawa, 2009.

Малов Александр Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН; supilluliuma@yandex.ru.